

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

Марина ПАНТИНА
(Санкт-Петербург)

Вопрос о месте художественного творчества М. Шишкина в ряду современной постмодернистской прозы

Михаил Павлович Шишкин — современный русский писатель, публикующийся с 1993 года. Он автор рассказов «Уроки каллиграфии», «Спасенный язык», «Слепой музыкант» и четырех романов, удостоенных различных премий: роман «Всех ожидает одна ночь» получил премию журнала «Знамя» за лучший литературный дебют в 1993 г.; роман «Взятие Измаила» удостоен премии журнала «Знамя», премии «Глобус» за произведение, способствующее сближению народов и культур и премии «Русский Букер» в 2000 году; роман «Венерин волос» — премии «Национальный бестселлер» в 2005 г. и «Большая книга» в 2006 г.; последний роман «Письмовник» вышел в 2010 г.

Писатель родился в 1961 году в Москве в семье моряка-подводника и учительницы. В 1982 году окончил МГПИ им. Ленина. По окончании института работал три года в журнале «Ровесник», писал об искусстве, переводил с немецкого. Затем пять лет преподавал английский и немецкий языки в школе.

Произведения Шишкина автобиографичны, они содержат многие детали реальной жизни писателя. Первая жена писателя — возможный прототип Светланы в романе «Взятие Измаила», второй — Франческа Штёклин — посвящён роман. Со времени рождения сына Константина в 1995 году писатель проживает в Швейцарии, в Цюрихе.

Михаил Шишкин интересен для исследования как писатель-филолог, широко использующий и свободно комбинирующий цитаты из произведений всех периодов русской литературы. Он обращается к исторической и философской проблематике, поднимает извечные вопросы русской ментальности, места и роли России в общемировом пространстве.

Его роман «Взятие Измаила» наиболее показателен в отношении широкого использования приема интертекста. Это произведение появилось в печати в 1999 году в журнале «Знамя». Сейчас оно переиздано в России и переведено на французский, итальянский, сербский и китайский языки.

В романе нет единой сюжетной линии, но в качестве первого скрепляющего элемента можно выделить инвариантные мотивы. Композиционно в тексте выделены две части, озаглавленные «Лекция 7-я» и «Эпилог». Первая часть представляет собой описание жизни в России через множество частных историй, замысловато связанных между собой повторяющимися мотивами и героями. Эта часть произведения представляет собой текст, составленный из цитат и словесных фрагментов, отсылающих читателя к различным культурным дискурсам и традициям. Временные рамки стерты: античность и русское язычество неотделимы от феодального средневековья и позднесоветского периода. Вторая часть «Эпилог» резко отличается от основной части романа и представляет собой автобиографию Шишкина, объясняющую читателю источники многих сюжетов первой части. Действие эпилога завершается в Швейцарии рождением сына от Франчески, которая появляется еще в первой части романа. Последняя фраза романа сообщает, что все, описанное в нем ранее — это сон.

В качестве другого скрепляющего произведения элемента можно указать на автобиографический характер большинства героев-повествователей: маленький мальчик, сын учительницы; студент; школьный учитель. Разные периоды биографии писателя и его социальные роли нашли воплощение во множественности героев-рассказчиков.

Некоторые читатели и критики отмечают сложность восприятия романа из-за запутанности сюжетных линий и нагромождения цитат¹. В основном, произведение получило высокую оценку критики, за исключением разгромного отзыва Ремизовой «Вниз по лестнице, идущей вниз»², в котором роман охарактеризован как «какофония, вместо предполагавшейся симфонии, где фрагменты разных текстов и запутанные сюжетные линии должны были перекликаться между собой, сливаясь в единую наполненную смыслом мелодию»³. Претензия автора статьи направлена скорее против постмодернистского дискурса, который, по мнению Ремизовой, неприемлим для русской литературы, которая должна искать свои пути развития и предлагать альтернативные варианты западному роману.

Шишкин в интервью, комментируя роман «Взятие Измаила», говорит о том, что: «Несущей конструкцией текста является царапание

¹ <http://www.afisha.ru/book/59/review/145140/>; <http://www.labyrinth.ru/books/156076/>

² Ремизова М. Вниз по лестнице, ведущей вниз // Новый мир, 2000, №5. С. 190–193.

³ Там же. С. 191.

стилей, которое играет роль, традиционно отводимую конфликтам между добром и злом.... Слова становятся героями, отстаивающими каждый свою картину мира, фразы — стилями. Друг о друга трутся не края фраз, а края мироощущений»⁴. Нарочитую сложность и многослойность романа автор объясняет тем, что из русской жизни и истории, как из песни, нельзя ничего выкинуть. Это разрушило бы гармонию такого типа повествования, как во «Взятии Измаила». Русская литература, по мнению Шишкина, может восприниматься только как целое — в этом объяснение использования столь широкого пласта чужих текстов, которые вместе, также как и литература способны создать гармоническое целое. Роман, по его мнению, невозможно помыслить иначе, чем как целостное идеологическое высказывание. Последняя мысль автора наводит на размышления о том, насколько подобный текст можно отнести к типичному постмодернистскому дискурсу, который предполагает игровое использование чужих текстов и нивелирование смысла всех возможных идейных установок.

Все цитаты и отсылки, использованные в романе, делятся на несколько групп.

1. Религиозные. Среди них можно выделить те, которые имеют отношение к христианству и языческие. Эти два полюса обыгрывают все микро-сюжеты романа.
2. Литературные. Корпус литературных произведений, который автор привлекает для создания «Взятия Измаила», очень велик. Это произведения преимущественно русской литературы от древнерусских текстов и до классической литературы XIX в.

Часто, обыгрывая тот или иной сюжет в романе, автор дает читателю выборку цитат из разных культурных источников, смешивая времена и традиции. Надо отметить, что это осознанный принцип построения романа хотя бы потому что зачастую это не косвенные отсылки, а куски чужого текста, фактически без изменения (например, в начале произведения наряду с мифами о сотворении мира появляется почти дословный отрывок из Повести временных лет об обычаях древлян⁵).

Шишкин стремится к тому, чтобы показать максимальное количество точек зрения на описываемую ситуацию и тем самым преодолеть время и возможность однозначного решения вопроса. Но так как автор часто обращается к трагическим мотивам невыносимости жизни

---

⁴ Александров Н. Тот, кто взял Измаил // Итоги, 2000, №42 (228). С. 65.

⁵ «Убиваху друг друга, ядыху все нечисто, и брака у них не бывшее, но умыкиваху уводы девица, живах в лесах и срамословие в них перед отци и снохами» (Шишкин М.П. Взятие Измаила. М., 2007. С. 11).

и бессмысленности смерти, общий стиль повествования воспринимается как горькая ирония нарратора. Долгие страницы занимают описания разнообразных преступлений, которые могли бы быть оправданы судом при правильной постановке вопроса. С этой целью привлекаются отрывки из античных риторик. Через весь роман проходит инвариантный мотив суда. Основные борющиеся силы в сюжетах о суде — это, с одной стороны, римское право, исходящее из общих законов, а с другой — «человеческое», способное оправдать любое преступление, проникая во внутренний мир преступника. Шишкин не дает разрешения проблемы, а лишь ставит ее, используя разнообразные факты и сюжеты.

Также спорно противопоставление христианского и языческого в романе. Наряду с античными и славянскими мотивами, мы находим библейские цитаты, отчасти переработанные на современный лад. Надо отметить, что ветхозаветные мотивы более частотны, чем обращение к Новому Завету. Особенно показательным в этом отношении становится сюжет о Мотте (библейском Моисее), обыгрывающем ветхозаветный сюжет о казнях египетских. Если в Библии все заканчивается победой израильского народа и помощью Бога, то во «Взятии Измаила» казнь смертью первенцев оказывается так же недействительна, как и все предыдущие. На вопрос Мотте, что делать дальше, Бог разводит руками.

Несмотря на периодические перемещения действия романа в другие страны и культурные ситуации, основным местом действия остается Россия. Все то, что происходит не в России, служит для сравнения и размышлений об общих свойствах человеческой души. Частотен мотив хаоса и богооставленности. Эпилог, повествующий о рождении ребенка и спокойном счастье в эмиграции, как бы дает нам разрешение поставленных проблем через новую жизнь. Но разрешение это уже за пределами России⁶.

Все сюжеты, которые имеют отношение к Родине, заканчиваются бессмысленным трагизмом попыток что-то изменить. Сюда можно отнести и начало произведения, в котором один из сюжетов о суде героиней Мокошью, подозреваемой в убийстве своей матери, пере-

---

⁶ Сюжет о рождении ребенка в первой («русской») части романа встречается дважды. В первый раз это рассказ о погибшем сыне Олежке. Во второй раз у одного из рассказчиков в романе рождается дочь-идиот Анечка, и в итоге он не справляется с тем, чтобы вырастить ребенка. После долгих лет борьбы за развитие Анечки и попыток сохранить разум жены, герой отправляет жену в психиатрическую лечебницу, оставляет ребенка няне и во время командировки уходит в беспросветный запой.

плетается с мифами о сотворении мира в исполнении славянских богов-судей: Перуна, Велеса и Сварога. Сотворение мира происходит в обстановке мрачного хаоса: «Пустота и тьма — необходимое условие для сотворения мира. <...> И такая тоска! И вот эту тоскливую башкирскую черноту рвет вдруг искра. Сверкнув, гаснет. Потом снова искра, и снова, будто кто-то чиркает спичками какое-то первосущество, прабог-искровержец, этакий Перун»⁷. Дальнейшее повествование доказывает то, что попытки борьбы с этим первичным хаосом бессмысленны.

Это особенно ярко видно на примере другого сюжета в романе — истории Маши и Д, учителя, которые волею судеб оказываются в российской глубинке. Там оказываются бессмысленными любые попытки привить гуманные ценности дикому народу. При этом нет особенной разницы, происходит действие в 20 веке в г. Юрьев или же речь идет о времени татаро-монгольского нашествия. Все христианские ценности смешиваются с народным языческим восприятием мира и тем самым оказываются нерелевантными для действительности. Через текст сквозной линией проходят пословицы и поговорки, оттеняющие все остальные возможные точки зрения по поводу описываемых событий. Последний в романе сюжет о суде целиком основан на записях эротических обрядов из книги Топоркова⁸.

Отвечая на вопрос о настойчивом обращении к темным проявлениям человеческой природы, Шишкин говорит о том, что задача искусства — претворять ужас бытия в гармонию. Свое понимание значения искусства он возводит к творческому принципу Тарковского, режиссера фильма «Андрей Рублев»: «У всех настоящих текстов, фильмов, пьес сюжет всегда один: превращение реальности, где есть жестокость и смерть, в тепло и свет. Для меня главным учителем был и останется Тарковский, хотя он снимал фильмы, а я пишу книги, но это неважно: энергия творчества имеет одну природу. Когда-то меня, еще школьника, потряс «Андрей Рублев» — тебе показывают кошмары, а ты выходишь из кинозала просветленным. Вот зачем нужен художник: он берет в себя тот ужас, в который люди превращают жизнь, и возвращает человеку достоинство, наполняет его человеческим теплом и нездешним светом»⁹. Таким образом, по мнению Шишкина, произведения должны, проведя читателя через все мытарства, примирить

---

⁷ Шишкин М.П. Взятие Измаила. М., 2007. С. 8

⁸ Топорков А. Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. М., 1995.

⁹ <http://www.bg.ru/article/8549/>

его с действительностью. Но таким ли примиренным остается читатель после прочтения «Взятия Измаила»? Значимым представляется то, что относительная гармония в «Эпилоге» возможна за рубежом, а основное действие произведения происходит в России и направлено на постановку проблем, связанных именно с этой действительностью. Решения они не получают. Принимая это во внимание, можно говорить о том, что вопрос о реализации авторской интенции остается открытым.

С другой стороны, интересно, какие именно цитаты отбирает писатель для того, чтобы показать противоречия российской действительности через призму литературы и религиозной проблематики. Задача объять в своем произведении весь корпус русской литературы представляется нам невыполнимой. Здесь уместен сопоставительный анализ интертекста в духе Смирнова, который предлагает искать общий смысл в соположенных цитатах и отсылках¹⁰. На материале «Взятия Измаила» это возможно сделать, выделив микросюжеты, вокруг которых по смыслу группируются цитаты. Сюжеты, в свою очередь объединяются за счет инвариантных мотивов: таких как тема суда и возможности оценивать происходящее; жестокости, которая, вопреки принятию христианства, до сих пор является ведущей в поступках человека; рождению ребенка и вариаций на тему жизни и смерти детей (сюжет об убийстве матери, другой — об убийстве ребенка, третий о гибели) и других.

Учитывая авторскую интенцию к смысловой нагруженности любого романа, значимым представляется поставить вопрос о том, какое смысловое высказывание несет в себе «Взятие Измаила». Название романа отсылает к победе, одержанной при таких условиях, когда почти невозможно было надеяться на благополучный исход.

Вместе с этим остается открытым вопрос о месте произведений Шишкина в ряду современной постмодернистской прозы, которая, как правило, не предполагает какого-либо отчетливого идеологического высказывания, а скорее стремится к деконструкции имеющихся за счет бесконечной игры уже явленными идеями¹¹.

---

¹⁰ См.: *Смирнов* И.П. Порождение интертекста: элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. Изд. 2, СПб, 1995.

¹¹ В этом аспекте было бы интересно сопоставить творчество Шишкина и Саши Соколова, но это тема для отдельного исследования.